

Ирэн МОРОЗОВА: Я могу угадать судьбу. Но мне запрет поставлен

У народной артистки России Ирэн Морозовой — юбилей. В доме актрисы театра «Ромэн» меня встретили пирогами с чаем и цыганскими романсами в исполнении гостеприимной хозяйки, правда, в магнитофонном варианте. Ну раз за стол, так за стол. И вопрос — для разминки — соответствующий

— По фильмам, по книгам цыгане радужно потчуют даже случайных встречающих. А что у них обычно на столе?

— Старички говорят: «Ешь, пока рот свеж», и не принимают никаких отказов, это правда. И все наши праздники связаны с православными: Новый год, Рождество, Пасха. Обильные столы на свадьбах, днях рождений. Что любят? Из супов — борщ.

— Как?! Украинский?

— Украинский-неукраинский... Украинцы ведь не кладут в борщ лимон? Так вот, это самая вкусная домашняя еда! И еще щавелевый борщ. Берется два мяса: свинина и говядина. Или же готовится на курице и индейке вместе. У нас очень любят пироги с капустой, с мясом, с творогом, с любимыми ягодами. Жареное и печеное мяско... Цыгане любят все вкусное, и нет никакой особенной еды.

— Ирэн Борисовна, в Москве цыгане-артисты принадлежат к творческой элите. А как вы относитесь к другим цыганам, которые...

— ... гадают? воруют? Цыгане очень яркий народ. А все, что яркое, — все бросается в глаза, все грехи. Увидят горсточку гадающих — а уж говорят: «Вот, цыгане, такие-сякие», и судят о целом народе. А то, что среди цыган есть врачи, педагоги, журналисты, Герои Советского Союза, — все ли знают?

— Значит, вы не испытываете никаких комплексов?

— Что вы! Я вообще никогда не испытывала никаких комплексов. Правда, когда была молодой, поднимала воротник, чтоб меня никто не видел. Я считала себя некрасивой, и поэтому, когда мне смотрели вслед, у меня заплетались ноги. Пожаловалась маме, а она мне сказала, что человека делает красивым только талант: «Если ты хочешь быть актрисой, то ты понимаешь, что ты талантлива. А раз талантлива — что же тебе скрывать? Значит, ты красива». И я перестала прятаться. Потому что артистка я была с детства. Я всегда-всегда-всегда пела.

— А репертуар?

— Да какой угодно. Даже Первый концерт Чайковского — в три-четыре года...

— Где же вы его услышали?

— По радио. Все работали, и я сидела дома одна. Целыми днями слушала музыку. Помню, передавали «Ночь на Лысой горе»: мне стало так страшно, что я выбежала из комнаты в огромный коридор и закричала: «Есть кто-нибудь?»

Я безумно любила петь на лестничной площадке. Акустика божественная в старых высоченных домах. А у нас в доме жила солистка Большого театра Корнеева. Один раз я и папа всегда, мчались по лестнице и пела. Тогда только вышел фильм «Антон Иванович сердится», и вот я бегу и распевая: «Это бывает зимою и в мае...» Мне было-то, сопля вот такая... Тут выходит эта дама из Большого театра и строго спрашивает: «Кто пел?» Я испугалась, потому что мама предупредила: «На лестнице нельзя петь. Может, кто-то боится или спит». Я затаилась под следующим пролетом. Но она услышала мое

сопение и обнаружила меня: «Ты очень хорошо поешь. Тебе надо учиться!»

— И вы, конечно, пошли учиться?

— Не до того было. Песней я зарабатывала на хлеб во время войны. У нас тогда выкрали документы. Без документов маму не брали на работу, и мы с двоюродным братом устраивали концерты за деньги и еду. Ходили и пели военные песни. Люди плакали, им нравилось, и в моем сознании укоренилось, что я артистка. Когда вернулись в Москву, меня даже в школе прозвали артисткой. И путь был определен. Я пошла на просмотр в театр, и меня взяли. Сличенко мне на прослушивании играл на фортепиано. Я собиралась сама, но от волнения... ты-тын-тын... В театре началась безумно сложная жизнь. Из-за моих конфликтов с режиссером и руководством мне все время говорили: «Уходите!» Я и в ГИТИС поступила опять же из-за моих конфликтов с главным режиссером. Когда на репетиции я начинала возражать, он наступал на меня: «А кто вы такая? Из какой мясной лавки, что делаете мне замечания?» Я проучилась, вернулась — и снова была не согласна. Но на этот раз я уже имела право сказать: «Знаете что, мы с вами из одной мясной лавки!» Он очень удивился.

А вообще театр — сам по себе великодушная школа, никакого сравнения с институтом. Ежедневные репетиции, мастера на сцене, приходят корифеи культуры и показывают, и рассказывают — так происходит становление молодого актера. Учишься, учишься — обязательно научишься. Сейчас у цыган есть возможность профессионально поучиться, а ведь раньше они вообще никаких театральных институтов не заканчивали...

— Как молодые актеры попадают в вашу труппу? Саморолки сами приходят или режиссер приглашает их из театральных вузов?

— Видите ли, раньше все шли в Театр «Ромэн», потому что не знали, куда приложить свои способности. В ресторанах петь запрещали, в ансамблях был очень трудный хлеб. А в «Ромэне» работать было престижно. Это сейчас престижно петь в «Континентале», а в театре за 200 рублей никто не хочет. В свое время существовала студия — курс Сличенко при Гнесинском институте. Он дал несколько молодых талантов. Но из них здесь мало кто сейчас остался. Когда театр был на гастролях, они осели кто в Америке, кто во Франции. И счастливо работают. Отбирают в «Ромэн», как и везде, по способностям. Чем наши актеры всегда отличались? Они более выразительны, потрясающе музыкальны. Без песен и танцев нет цыгана. А русский театр приходит к этому синтезу только сейчас, ставя рок-оперы и мюзиклы. Наши актеры всегда все делали живьем, но теперь появляются и записи. Оркестр в театре упразднен. Началось это время с театра Маяковского, когда Гончаров стал использовать фонограмму. А так как Сличенко — его ученик, то его тоже потянуло на ультрасовременность. Все решили идти по легкому пути.

— Цыган может выбрать другой театр, не «Ромэн»?

— Если возьмут. Я бы взяла. Потому что он обладает прирожденной органикой.

— Цыганский театр финансируется государством или спонсорами?

— Если честно, я не знаю, из каких денег мы получаем зарплату. Но знаю, что Лужков помогает. Например, с ремонтом. И вообще он отдал нам театр: мы теперь не платим бешеные деньги за аренду.

— Я заметила, что критики обходят ваш театр стороной.

— Да, потому что у нас нечего критиковать, а хвалят тем более — ничего же не ставится! Сейчас театр должен заниматься саморекламой, заниматься сам собой, как это делает Марк Захаров. Он и снимается актеров отпускает, и сам работает. Нужно везде показывать своих актеров, рассказывать про них, запихивать во все возможные шоу, и этим должна заниматься дирекция. Только таким образом можно завоевать зрителя. А у нас этого никто не делает. Постоянные зрители сейчас приходят все реже, как как пересмотрели весь репертуар. На «Мы — цыгане», правда, всегда бывает народ.

— Сами цыгане?

— И вы, конечно? Обыкновенная публика. И пусть это сто человек, но я чувствую, как зал замирает...

— Ирэн Борисовна, в вашем театре ставятся пьесы цыганских авторов: Хрусталева, Ром-Лебедева. И совсем нет европейской или русской драматургии. А как замечательно смотрелся бы, к примеру, «Отелло»...

— Был у нас спектакль «Живой труп». Очень давно. Очень интересный. Сличенко Николай Алексеевич ставил. Сошло на него вдохновение. Но было тяжело и обидно работать на такое малое количество зрителей, поэтому пьесу сняли, и все забылось. Мало того, спектакль даже нигде не зафиксирован, хотя в свое время был признан лучшей постановкой в Москве — и толстовцами, и критикой. Я играла Лизу. У меня в театре были разные роли. Я играла и немок, и французов, и индианок, и испанок, и казачку, и королеву... Но эту русскую, закрутую и многогранную, такую тонкую, как мне кажется, женщину мне было играть особенно интересно. Может быть, она моя самая главная работа в жизни. Надо сказать, я очень часто придуваю себе музыкальный ряд. От метро «Динамо» до театра — пролет сквера. Я обычно бегом бегу — постоянно опаздываю, и влуг в голову начинается... Я даже в метро иногда еду и ловлю на себе взгляды, когда меня засекают на том, что я что-то про себя проигрываю... Уже на лестнице начинаю танцевать...

— Танцу вы учились особо?

— Мама учила. Она по профессии была химик, но потрясающе танцевала. Это было, наверно, близко к классическому балету... Танец имеет для меня огромное значение. Это наивысшая степень выражения человека, движения его души. Знаете, я до сих пор вижу сны, в которых летаю. Вы летаете?

— Один раз, да и то в детстве...

— А я летаю, и не просто так — в танце летаю-то... я будто делаю два шага, отталкиваюсь и лечу метров двадцать совершенно свободно. Я просыпаюсь — и ощущение радости долго живет во мне. И много раз я себя ловила: сколько лет я выхожу на сцену, но ни разу еще не танцевала так, как вчера.

— Вам в жизни помогает актерская эмоциональность?

— Еще как! Со спектаклей я возвращаюсь поздно. И однажды увидела, как несколько человек избивают одного в кругу. Нет, чтоб быстрой шмыгнуть в подвезд и спрятаться, я остановилась и диким голосом — даже сама вздрогнула — закричала: «А ну прекратите немедленно!» Видимо, это такой посыл актерский да плюс то, что они были не правы... Жуткая история!

— Насколько известно, единственный в мире цыганский театр не может похвастаться частыми заграничными гастролями. Почему?

— Да по простой причине — негде же, не поехали никуда. Следующим летом собрались в Англию — опять не поехали. А потом власти просто наложили запрет на выезд: мол, все там останутся. И первый раз на гастроли мы поехали в Японию в 1982 году.

— Не так давно вышел ваш диск. Вы много концертнуете?

— Концертнуете я начала, когда в театре у меня разгорелся жуткий конфликт. Мама меня спасла: «С кем ты пикируешься, на что злобове тратьши? Или и займись концертами, у тебя это хорошо получается, тебя любят». И я тихо-тихо переклочилась.

— Вы любите зрителя восторженного или думающего?

— Это великое счастье, когда публика сопереживает исполнителю. Однажды я выступала на Урале. Как раз туда, где Пугачев воевал, занесло меня. Огромный дворец, зал набит, негде курице двинуться. Я танцую венгерку, увлеклась, но

вижу: на сцену поднимается старушка. Валенки у нее выше колен — ну там невозможно иначе: снег, заносы. И эта бабушка как начала рядом со мной плясать! Зал рыдал, стонал! У меня уже не было сил, а она все плясала и плясала, да так неистово. Зал даже с мест поднялся. И тут я сказала: «Ой, больше не могу», — и рухнула на роуль, а она все отплясывала.

— Вы прежде всего актриса, певица или женщина?

— Я думаю, чем ярче женщина, тем интереснее она на сцене. Тачковы все настоящие актрисы. А иначе — что это такое: головка между ручек висит... красотой не блещет... Посмотрите на Алису Фрейндлих. Она потрясающая, талантливейшая актриса еще и потому, что женщина талантливая. Любкой красавице рядом с ней делать нечего. Я ощущаю себя прежде всего женщиной везде: и на сцене, и дома. И я не по-мужски непосредственна.

— Вы считаете, с мастерством это уживается?

— Прекрасно. Режиссер говорит: «Медведь!» И я выхожу на сцену Медведь — мне ничего не стоит... Теперь о том, певица я или актриса. Ляля Черная была гармонична и грациозна, ручки-ножки-пальчики были божественной красоты. А какая грация танца! Но рта она никогда не открывала, считала, что ей петь нельзя. Однажды снялась в фильме «Последний табурет», и там ей надо было спеть по роли. И все услышали ее голос необыкновенного тембра! И ее стали называть певицей... У нее я научилась противостоянию. Из-за несогласия с руководством Ляля ушла из театра... Мне безумно нравилась в Ляле бесконечная широта. Она могла после репетиции собрать нас всех, — а жила она в доме, в котором был ресторан, — хоти зарплата у нее небольшая. Мы весело шли по Столешникову, усаживались в ресторане, и если у нее не было денег, она отдавала какую-нибудь драгоценность. Всех угошала. Мы разговаривали, и никому в голову не приходило, что она расплатилась своей вещью. И я могу точно так же поступить.

— Ирэн Борисовна, а правда, что цыгане — выходцы из Индии?

— Мы в этом сами убедились, когда оказались на гастролях в Индии. У нас была очень слабая переводчица с английского. И вдруг мы, услышав местную речь, уловили однокоренные слова, хоти и трансформированные. И споконно смоли объясняться! К удивлению и восхищению друг друга. Наверное, из Индии же все эти оранжево-желто-сине-зеленые сочетания, звенящие браслеты и украшения. Маленькая группа сразу выделилась из среды, цыгане специально одевались так, чтобы не быть как все, даже если они вписывались в культуру страны, где оседали...

— А как правило, вписывались?

— Конечно. Они принимали обичаи, веру, иначе невозможно было бы жить. Но сохраняли свое своеобразие настолько, чтобы удерживать свои специфические права. Ну, например, право на гадание. Цыгане не могли занимать высокие посты. Сейчас положение изменилось, но раньше они были все-таки гонимы. Их гнали из Франции, Англии, Германии...

— За какие грехи?

— В средневековые преследовались всякого рода ведьмачества, а они предсказывали судьбу. Кради, а это, безусловно, каралось. Тем не менее бывало, что правители относились к цыганам более лояльно. В Германии, например, цыгане, отправляясь из одного европейского государства в другое, получали сопроводительное охранное письмо... Я бывала на гастролях в Югославии и Венгрии, ко мне заходили местные цыгане. Они разговаривают на языке, который принят в Европе. И хотя я этого диалекта не знала, мы понимали друг друга. Есть прибалтийские цыгане. Язык украинских цыган довольно бедный. Есть крымские цыгане, иначе татарские. Они мусульмане. И разговаривают на своем диалекте.

— Цыгане меняют религию в зависимости от культуры, в которую вынуждены вживаться?

— Да, есть католики, православные. Честно говоря, не знаю, есть ли сейчас кочевые цыгане, последний раз мы с мужем встречали их в 70-е годы в Закарпатье. Вера передается из поколения в поколение, смена ее исключена.

— Среди цыган существует разделение на касты?

— Касты? Я не слышала. Раньше выбирали барона как самого достойного. А ведь каста — это градация внутри.

— В театре, в узком кругу звучит цыганская речь?

— Да, конечно. Но все больше и больше наши цыгане понимают — понимаем, а говорить... не то чтобы не хотят, а вроде нет необходимости. Ведь раньше в цыганском театре много было спектаклей на родном языке. И только кое-где как пояснительный текст проскакивали русские реплики. А сейчас наоборот. Только песни и сохранились на цыганском.

— Вы родились и живете в России,

среди русских, а стихи пишете по-цыгански. Откуда же такое совершенное знание языка?

— Во время эвакуации я оказалась с маминими сестрами. И язык, и все цыганские традиции изучила, живя вместе с ними. Например, тетя научила меня гадать. Во время войны она содержала нашу семью, гадала кому за деньги, кому за еду — у всех же были мужчины на фронте. Гадала до обморока, к ней очереди стояли. Я никогда не забуду, как пришла женщина и трясущимися руками показала похоронку. Тетя спрашивает: «А баран у тебя есть?» — «Да... есть...»

— «Так или режь его да не забудь нас угостить!» Она потом прибежала к нам с бараниной: «Вернулся муж, вернулся!» На всю жизнь я запомнила запах той баранины.

— Люди, которые умеют гадать, знают свою судьбу?

— Да. Я могла себе погадать, да и не только себе. Раньше я не думала, что это страшно: ну раз мне дано, значит, дано. Но потом поняла, что это проникновение в запретное. Если человек верит в Бога, то гадание — это от лукавого. Цыганам было разрешено, потому что это их хлеб. Но мне запрет поставлен: я его увидела воочию.

— Как, если не секрет?

— Надо уметь видеть и слышать. Даже обычные голоса на улице, по радио. Например, я задаю себе вопрос, как мне жить, что делать дальше, — и тут же слышу ответ в какой-то передаче об актрисе: «...стоять и добиваться!» Будто для меня было сказано.

— Наверняка в «Ромэне» работают целые династии?

— Масса. Бабушки-дедушки вместе с внуками. Жемчужная Катя играет с мужем, и внук их тут же мотается, уже два раза выходил на сцену.

— А ваши дети?

— Мои дети? Ну нет! Я, может, даже слишком строга к своей дочери. Она приходила в театр, видела, как я играю, и говорила: «Я тоже буду актрисой!» Но я ей запретила, хотя она была очень пластичной девочкой... Все-таки, мне казалось, актер должен обладать идеальными данными. Когда мне что-то мама не разрешала — я рою упирались и твердила: «Да-да-да!» А Юлия очень легко отнеслась к моему запрету, закончила исторический факультет. Сын у меня тоже артистичный — это корни. Он бы мог стать актером, может быть, даже самым благополучным, и я ему не мешала. Но он сам не захотел. Занимается режиссурой, пишет пьесы. Он был еще маленьким, когда, сидя на скамейке потурешки, заявил: «Слушайте! Я написал пьесу!» Мы просто обалдели. Он, правда, интересно пишет.

— Ирэн Борисовна, а вообще каково в цыганской среде отношение взрослых к детям?

— Особое. Им разрешено почти все. Они могут шалить сколько угодно. Но взрослым не должно мешать! Об этом даже не говорится. Может, это с кровью передается. Достаточно на них взглянуть — и они все понимают.

— Кто в цыганской семье хозяин?

— Сейчас в основном цыгане в семье живут в согласии. Если мужчина главный в доме — то его, конечно же, надо слушать. В домашнем быту — самая старшая мать, весь уклад на ней. Она знает, что обязана всех обогреть, накормить во что бы то ни стало. И никого не волнует, здорова ли она, больна ли.

— Она вправе возражать? Эмансипация среди цыган возможна?

— Возражать цыганка может, но в пределах разумного. Все зависит от отношений в семье. Бывает, женщина очень властная, а мужчина безвольный и наоборот.

— Помните бедную цыганочку Машу, страдающую по Протасову, и как родители ругали ее за любовь к барину? Сегодня родственники могут запретить брак с не цыганом?

— До свадьбы еще могут что-то сказать, но после — всякие разговоры исключаются. Человека принимают в семью. У нас желательны, чтобы цыганские браки сохранялись, но раз случилось, что ж поделаешь!

— Последний вопрос: почему у вас, русской цыганки, совсем не русское и не цыганское имя?

— Видимо, родители в молодости Голсуорси начитались. А бабушка — она была верующая — не могла примириться! Когда она тайком принесла меня крестить, батюшка возмутился: что, мол, это за имя? Будет Ариной! Бабушка быстренько меня завернула, принесла домой — да так спешила, что принесла меня с голыми ножками... Но я уже была крещеная, и Господь хранил меня. И это хорошо, потому что на Ирэн всегда сваливалось много отрицательной информации. Бывали моменты, когда муж открывал мне дверь, и я, обессиленная, садилась на пол. А Арина находится в недостижимости. Ангел-хранитель оберегает меня, а иначе как бы я выдержала? Ведь моя жизнь не молчание, а один сплошной протест.

Встречалась

Наталья БОЙКО

P.S. «ВК» сердечно поздравляет Ирэн Морозову, верного друга нашей редакции, с юбилеем! Мы еще не раз споём и станцуем.